

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Фейныя сказки

ДѢТСКІЯ ПѢСЕНКИ

1905—Осень.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Солнечной Ниникѣ, съ свѣтлыми глазками —
Этотъ букетикъ изъ тонкихъ былинокъ.
Ты позабавишься Фейными сказками,
Послѣ блеснешь мнѣ зелеными глазками,—
Въ нихъ не хочу я росинокъ.
Вечеръ далекъ, и до вечера встрѣтится
Много намъ, гномы, и страхи, и змѣи,
Чуръ, не пугаться,—а если засвѣтятся
Слезки, пожалуюсь Феѣ.

К. Бальмонтъ.

Sillamägi Estl.
1905. Sept. 7.

Ф Е Я.

ФЕЯ.

Говорили мнѣ, что Фей,
Если даже и богата,
Если ей дарить лилея
Много сновъ и аромата,—
Все жъ, чтобъ въ замкѣ пріютиться,
Нужень ей одинокъ листокъ,
Имъ же можетъ нарядиться
Съ головы до ногъ.

Да, иначе быть не можетъ,
Потому что все въ ней нѣжно,
Ей сама Луна поможетъ,
Ткань паукъ сплететъ прилежно.
Такъ какъ въ мирѣ я не знаю
Ничего нѣжнѣ фей,
Нынѣ Фею выбираю
Музою моею.

НАРЯДЫ ФЕЙ.

У Фей—глазки изумрудные,
Все на траву она глядитъ.
У ней наряды дивно-чудные,
Опалъ, топазъ, и хризолитъ.

Есть жемчуга изъ свѣта луннаго,
 Какихъ не видѣлъ взоръ ничей.
 Есть поясокъ покроя струннаго
 Изъ яркихъ солнечныхъ лучей.

Еще ей платье подвѣпечное
 Далъ колокольчикъ полевой.
 Судила ей счастье безконечное,
 Звонилъ въ цвѣтокъ свой голубой.

Росинка, съ грезой серебристою,
 Зажглась алмазнымъ огонькомъ.
 А ландышъ свѣчкою душистою
 Горѣлъ на свадьбѣ съ Свѣтлякомъ.

ПРОГУЛКА ФЕН.

Фея въ садъ гулять пошла,
 Такъ нарядна и свѣтла,
 Говорить съ цвѣтами,
 Ей цвѣты: Будь съ нами.

Фея, будь, какъ мы, цвѣтокъ,
 Развернись какъ лепестокъ.
 Будь рябинкой дикой,
 Или павилинкой.

Будь Анютинымъ глазкомъ,
 Или синимъ василькомъ.
 Или еще, малюткой,
 Синой незабудкой.

Прилетить на лепестокъ
 Желтокрылый мотылекъ,
 Хоботкомъ коснется,
 Фея улыбнется.

Прилетить къ тебѣ пчела,
Прожужжить, не бойся зла,
Я лишь пыль собираю,
Медъ приготавливаю.

Покачнувъ на тынѣ хмѣль,
Прогудить мохнатый шмель:
Ну-ка, поцѣлю
Фею молодую.

А когда придетъ закатъ,
Всѣ цвѣты проговорятъ:
Въ росахъ умываться,
Спать приготавливаться.

Фея слушала цвѣты,
Фея нѣжила листы,
Но, сама причуда,
Прочь пошла отсюда.

Или я на мотылька
Промѣняю свѣтлячка?
Не хочу мѣняться.—
И давай смѣяться.

Скрылась въ замокъ подъ листкомъ,
Забавлялась съ Свѣтлякомъ.
Цвѣтикомъ не стала,
Звонко хохотала.

ФЕЯ ЗА ДЪЛОМЪ.

Къ Феѣ въ замокъ собрались
Мошки и букашки.
Передъ этимъ напились
Капелекъ съ ромашки.

И давай жужжать, гаддѣть,
 Въ залѣ паутинной,
 Точно выискали клѣть,
 А не замокъ чинный.

Стали жаловаться всѣ
 Съ самаго начала,
 Что ромашка нмѣ въ росѣ
 Яду подмѣшала.

А потомъ на комара
 Жаловалась муха,
 Говорить, молъ, я стара,
 Плакалась старуха.

Фея слушала ихъ вздоръ,
 И сказала: Вѣрьте,
 Мнѣ вашъ гамъ и этотъ соръ
 Надоѣлъ до смерти.

И велѣла пауку, —
 Вставъ съ воздушныхъ кресель, —
 Чтобы тотчасъ на суку
 Сѣти онъ развѣсилъ.

И, немедля, сталъ паукъ
 Вѣшать паутинки.
 А она пошла на дугъ
 Проверять росинки.

НАХОДКА ФЕИ.

Фея сдѣлала находку:
 Листикъ плавалъ по водѣ.
 Изъ листка построивъ лодку,
 Фея плаваетъ вездѣ.

Подъ стѣной рѣчного срыва
 Показался ей налимъ,
 Онъ мелькнулъ предъ ней красиво,
 И исчезъ, неуловимъ.

Дальше, больше. Дышутъ травы
 Въ свѣтломъ зеркальцѣ рѣки.
 Цѣлымъ островомъ—купавы,
 Цѣлымъ лѣсомъ—тростники.

Ей тритоны удивлялись,
 Проплывая бережкомъ,
 И, смѣшные, похвалялись
 Ей оранжевымъ брюшкомъ.

Плавунцы въ водѣ чернѣли,
 И пускали пузыри.
 Обѣщались—въ самомъ дѣлѣ
 Быть ей свитой до вѣка.

Все бы, все бы было складно,
 Да внезапно съ вѣтеркомъ
 Стало сумрачно, прохладно,
 Громыхнулъ далекій громъ

Лодку Феи вѣтеръ, вѣя,
 Опрокинулъ,—не со зла,
 Но однако жъ вправду Фея
 Утонуть въ рѣкѣ могла.

Но она лишь усмѣхнулась,
 Мигъ,—и въ замокъ, до грозы,
 Фея весело вернулась
 На спинѣ у стрекозы.

РѢШЕНІЕ ФЕИ.

Солнце жаворонку силу пѣть даетъ,
 Онъ до Солнца долетаетъ и поетъ.
 Птичка жаворонокъ—пѣвчимъ птичкамъ царь.
 На совѣтъ птицъ давно рѣшили, встарь.

Но рѣшеніе птицъ не принялъ соловей,
 Онъ съ обидой дожидается ночей.
 И какъ только означается Луна,
 Соловьиная баллада всѣмъ слышна.

Фея молвила: Чего же спорить имъ?
 Ну и глупые съ рѣшеніемъ своимъ.
 Послѣ утра есть вечерняя заря,
 Въ дѣнь и ночи пусть намъ будутъ два царя.

ЗАБАВЫ ФЕИ.

Пускала пузырьки
 Въ соломенку Фея.
 Придворные лирики
 Жужжали ей, рѣя:—
 О, чудо-пузырики,
 О, дивная Фея!

Пурпурные, синіе,
 Нѣжные, чѣмъ въ сказкѣ.
 Какія въ нихъ линіи,
 Какія въ нихъ краски!
 Зеленые, синіе,
 Какъ дѣтскіе глазки.

Но Феѣ наскучили
 Жужжащія мошки.
 Всегда вѣдь кавючили
 Они на дорожкѣ.
 Забавы замучили
 Ея ручки и ножки.

Соломенку фейвую
 Отъ Феи убрала.
 Постельку лилейную
 Готовить ей стали.
 И пѣснь тиховѣйную
 Ея сны напѣвали.

ВѢТЕРОКЪ ФЕИ.

Въ сказкѣ фейной, тиховѣйной,
 Легкій Майскій вѣтерокъ
 Колыхнулъ цвѣтокъ лилейный
 Нашепталъ мнѣ пѣнье строкъ.

И отъ Феи лунно-нѣжной
 Бросилъ въ пѣсни мнѣ цвѣты.
 И умчался въ мѣрь безбрежный,
 Въ новой жадѣ красоты.

А еще черезъ минутку
 Возвратился съ гроздью розъ:
 „Я ушелъ, но это въ шутку,
 „Я тебѣ цвѣтовъ принесъ“.

ЧАРЫ ФЕИ.

Я шелъ въ лѣсу. Лѣсъ темный былъ
 Такъ странно зачарованъ.
 И самъ кого-то я любилъ,
 И самъ я былъ взволнованъ.

Кто такъ разнѣжилъ облака,
 Они совсѣмъ жемчужны?
 И почему ручью рѣка
 Поеть: Мы будемъ дружны?

И почему такъ ландышъ вдругъ
 Вдохнулъ, въ травѣ блѣднѣя?
 И почему такъ пѣжень дугъ?
 Ахъ, знаю! Это—Фея.

ТРУДНО ФЕѢ.

„Фея“—шепили сирени,
 „Фея“—призывъ былъ стрижа,
 „Фея“—шепили сквозь тѣни
 Ландыши, очи смежа.

„Фея“,—сквози изумрудно,
 Травки промолвила нить.
 Фея вдохнула: Какъ трудно!
 Всѣхъ-то должна и любить.

БЕЗПОРЯДКИ У ФЕИ.

Сегодня майскіе жуки
 Не въ мѣру были громки.
 И позабыли червяки
 Миѣ освѣтить потемки.

Пошла бранить я Свѣтляка,
 Чтобъ не давать поблажки.
 Споткнулась вдругъ у стебелька
 Ромашки или кашки.

И вотъ лежу я и гляжу,
 Кто черный тамъ крадется.
 Никакъ ума не приложу,
 А сердце бьется, бьется.

И молвилъ кто-то грубо такъ:
 „Послушай-ка, глядитка“.
 Тутъ лампочку зажегъ Свѣтлякъ,
 И вижу я—улитка.

Ползеть, разставила рога,
 Вся мокрая такая.
 „Ступай“,—сказалъ Свѣтлякъ, „въ луга“,
 Слегка ее толкая.

А я ему: „Випа твоя!
 „Гдѣ былъ? Въ гостяхъ у мухи?“
 И въ эту ночь заснула я
 Совѣтъ-совѣтъ не въ духѣ.

ФЕЯ ВЪ ГИБВѢ.

Фея въ печку поглядѣла.
 Пламя искрилось и рдѣло.
 Уголки отъ осины
 Были ярки какъ рубины.

И сказала Фея: Если,
 Здѣсь, предъ пламенемъ горящимъ,
 Я спужу въ узорномъ креслѣ,
 И довольна настоящимъ,—

Вѣчно ль буду я довольна,
 Или краткоъ будетъ срокъ?
 И вскричала тотчасъ: Больно!—
 Палъ ей въ ноги уголекъ.

Фея очень разсердилась.
 Кресло быстро откатилось.
 Отыскавъ въ углу сандала,
 Фея ножку врачевала.

И, разгнѣвавшись на пещку,
 Призываетъ Фея гнома.
 Приказала человѣку
 Дѣлать, что ему знакомо.

Тотъ скорѣ сыпать сажу,
 Все погасло въ быстрый срокъ.
 Такъ темно, что страшно даже.
 Былъ наказанъ уголекъ!

ФЕЙНАЯ ВОЙНА.

Царь муравейный
 Съ свитой фейной
 Вздумалъ войну воевать.
 Всѣхъ онъ букашекъ,
 Съ кашекъ, съ ромашекъ,
 Хочетъ теперь убивать.

Фея вздыхаетъ,
 Фея не знаетъ,
 Какъ же теперь поступить.
 Въ Феѣ все нѣжно,
 Все безмятежно,
 Страшное слово — убить.

Но на защиту
 Легкую свиту

Фея скорѣй созывать,
 Міръ комариный,
 Царь муравьиный
 Выслалъ опасную рать.

Можки жужжали,
 И верезжали
 Тонкимъ своимъ голоскомъ.
 О, муравейникъ,
 Это—репейникъ
 Тамъ, гдѣ все гладко кругомъ.

Съ войскомъ мушинымъ
 Шелъ по долинамъ
 Въ пламени грозномъ Свѣтлякъ.
 Каждый толкачикъ
 Прыгалъ какъ мячикъ,
 Каждый толкачикъ былъ врагъ.

Врагъ муравейный
 Выстрѣлъ ружейный
 Дѣлалъ, тряся хоботкомъ.
 Путь съ колеями,
 Весь съ муравьями,
 Былъ какъ траншеи кругомъ.

Небо затмилось,
 Солнце укрылось,
 Въ тучѣ сталъ громъ грохотать.
 Каждая сила
 Прочь отступила,
 Вспугнута каждая рать.

Стягъ муравьиный
 Листъ былъ рябины,
 Онъ совершенно промокъ.

Знаменемъ Фен
Цвѣтъ былъ лилеи,
Весъ его смялъ вѣтерокъ.

Споръ тотъ жестокий
Тьмой черноокой
Конченъ былъ прямо ни въ чью.
Выяснимъ, право,
Мошкамъ ли слава,
Слава ль въ войнѣ Муравью?

ВОЛКЪ ФЕН.

Странный Волкъ у этой Фен.
Я спросилъ его: Ты злой?—
Онъ лизнулъ цвѣтокъ лилеи,
И мотнулъ мнѣ головой.

Это прежде, молъ, случилось,
Въ старинѣ былыхъ годовъ.
Злость моя тогда встрѣчалась
Съ Красной Шапочкой лѣсовъ.

Но, когда Охотникъ рьяный
Распоролъ мнѣ мой животъ,
Вдругъ исчезли всѣ обманы,
Все пошло наоборотъ.

Сталъ я кроткій, сталъ я мирный,
Здѣсь при Фенъ состою,
На балахъ, подъ рокотъ лирный,
Подвываю и ною.

Въ животѣ же, плотно сшитомъ,
Не убитые теперь.

Я кормлюсь травой и житомъ,
Я хоть Волкъ, но я не звѣрь.—

Такъ прошамкаль Волкъ мяѣ сѣрый,
И въ амбаръ съ овсомъ вальзъ.—
Я жь, дивясь ему безъ мѣры,
Поскорѣй въ дремучій лѣсъ.

Можетъ, тамъ другой найдется
Сѣрый Волкъ и злющій Волкъ.
Порохъ праздника дождется,
И курокъ ружейный—щелкъ.

А ужъ этотъ Волкъ, лилейный,
Лирный, мирный, и съ овсомъ,
Пусть онъ будетъ въ сказкѣ фейной,
И на ты съ дворовымъ песомъ.

ФЕЯ И БРОНЗОВКА.

Бронзовка—жукъ изумрудный,
Очень пріятный для взгляда.
Въ дружбѣ онъ жилъ обоюдной
Съ Феей волшебнаго сада.

Вмѣстѣ по дикой рябинкѣ
Въ часъ проходили урочный.
Вмѣстѣ вкушали росинки,
Съ пылью мѣшая цвѣточной.

Вмѣстѣ дождались расцвѣта
Яркаго пышнаго Мая.
И съ наступленіемъ Лѣта
Скрылись изъ этого края.

ФЕЯ И СНѢЖИНКИ.

Катаясь на конькахъ,
 На льду скользила Фея.
 Снѣжинки, тихо рѣя,
 Рождались въ облакахъ.
 Родились—и скорѣй,
 Сюда, скорѣй, скорѣе.
 Изъ міра снѣжныхъ фей
 Къ земной скользящей Фее.

ТРИ ПЕСЧИНКИ.

„Что можно сдѣлать изъ трехъ песчинокъ?“
 Сказала какъ-то мнѣ Фея водъ.
 И далъ букетикъ ей изъ былиннокъ,
 И въ трехъ песчинкахъ ей далъ отчетъ.

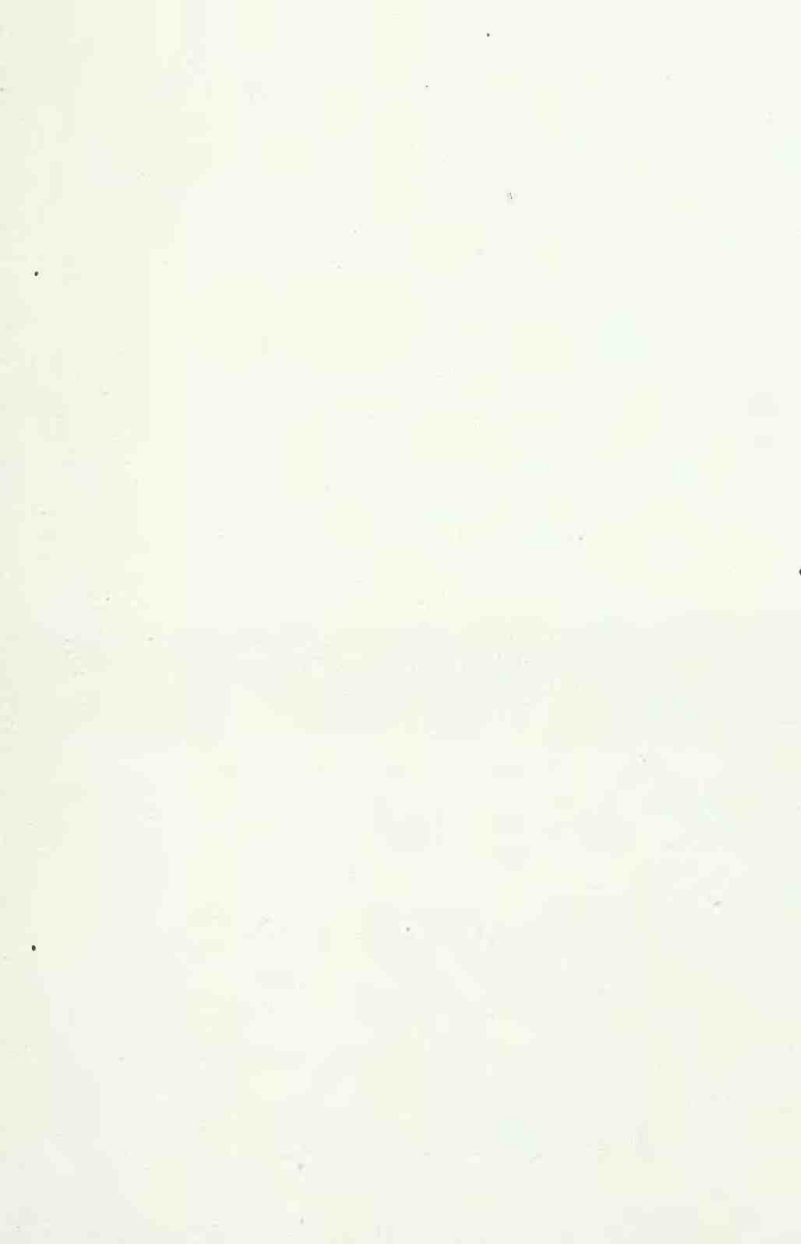
Одну песчинку я брошу въ Море,
 Ей будетъ любо, тамъ въ глубинѣ.
 Другая будетъ въ твоемъ уборѣ,
 А третья будетъ на память мнѣ.

ШЕЛКОВИНКА.

Изъ товкой шелковинки я ниточку пряду,
 По тонкой шелковинкѣ тебя я поведу.
 Кусочекъ перламутра—лампадка моя,
 Въ жемчужные покои войдемъ мы, ты и я.

Я тамъ тебѣ открою атласную кровать,
 И бабочки намъ будутъ воздушно танцовать.
 И тонко такъ, хрустально, подобные ручью,
 Намъ часики смѣшные спокуютъ: „Баю-баю“.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

Бѣлки, зайки, мышки, крыски,
Землеройки, и кроты,
Какъ вы вновь миѣ стали близки!
Снова дѣтскіе цвѣты.

Незабудки расцвѣтають,
Маргаритки щурятъ глазъ,
Подорожники мечтають—
Вотъ роса зажжетъ алмазъ.

Вплоть до самой малой мошки,
Близокъ сталъ миѣ міръ живыхъ,
И змѣистыя дорожки
Повели къ кустамъ мой стихъ.

А въ кустахъ, гдѣ все такъ дико,
Притаился хмурый ежъ.
Вонъ краснѣетъ земляника,
Сколько ягодъ здѣсь найдешь!

Все цвѣты на зовъ отвѣтятъ,
Развернувъ свои листки.
А въ ночахъ твой путь освѣтятъ
Между травокъ свѣтляки.

УТРО.

Дѣточка, птичка моя,
 Дверку открой.
 Это я,
 Мальчикъ твой.
 Ты котенкомъ меня назвала,
 Ты сказала мнѣ—мальчикъ, поэтъ.
 Ты причудливой съ первыхъ мгновений была,
 И ко мнѣ возвратилось младенчество лѣтъ.
 Я принесъ тебѣ свѣжіе маки съ росой,
 Зацѣлую тебя, свѣтлоглазка моя.
 Ну, скорѣй же, открой,
 Это я.

У ЧУДИЩЪ.

Я былъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ.
 Тамъ все какъ прежде. Сидитъ Яга.
 Пищали мыши, и рылись въ крошкахъ.
 Старуха злая была строга.

Но я былъ въ шапкѣ, былъ въ невидимкѣ.
 Стянулъ у Старой двѣ нитки бусъ.
 Разгнѣвалъ Вѣдьму, и скрылся въ дымкѣ.
 И вотъ со смѣхомъ кручу свой усь.

Пойду, пожалуй, теперь къ Кощею.
 Найду для пѣсенъ тамъ жемчуговъ.
 До самой пасти приближусь къ Змѣю.
 Узнаю тайны—и былъ таковъ.

СКАЗОЧКИ.

Помнишь, миленькій дружокъ,
 Помнишь, дѣточка моя:
 „Пѣтушокъ, да пѣтушокъ,
 „Золотой онъ гребешокъ“,
 Сказку сказывалъ я.

Засмѣялась ты въ отвѣтъ,
 Засмѣялась: „Ха, ха, ха!
 „Вотъ какой смѣшной поэтъ!
 „Не хочу я, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
 Говорить про пѣтуха“.

Я про козлика тогда
 Началъ сказку говорить,
 И журчала намъ вода.
 Если бѣ, если бѣ намъ всегда
 Въ этихъ сказочкахъ быть!

ЗАИНЬКА.

Зайныка бѣленькій хвостикомъ моргалъ,
 Зайныка въ садикѣ вкуснаго искалъ.
 Зайныку въ садикѣ садовникъ увидалъ,
 Выстрѣлилъ въ зайныку, выстрѣлъ не попалъ.

Зайныка прочь ушелъ, пошелъ онъ въ огородъ,
 Въ грядкахъ капустныхъ сталъ сильный недочетъ.
 Зайныку отдали амкѣ подъ надзоръ,
 Амкаетъ амка, но зайка ловкій воръ.

Зайныку бѣлаго вьюга бережетъ,
 Зайныку полночь въ обиду не даетъ.
 Зайныку бѣлаго ежели убьютъ,
 Что же намъ пѣсенки веселыя споютъ!

КОШКИНЪ ДѢМЪ.

Мышка спичками играла,
Загорѣлся кошкннъ домъ.
Нѣтъ, давай начну сначала,
Мышка спичками играла,
Передъ Васькой, предъ котомъ.

Промяукинулъ онъ на мышку,—
А она ему: „Кисъ-кисъ“.
„Нѣтъ“, сказалъ онъ, „это—лишку“,
И за хвостикъ хватъ плутшкѣ,
Вдругъ усы его зажглись.

Коть мяукать, котъ метаться,
Загорѣлся кошкннъ домъ.
Тутъ бы кошкѣ догадаться,
А она давай считаться,
Все поставила вверхъ дномъ.

Погубила ревность злая,
Кошкннъ домъ сгорѣлъ до тла.
„Этой мышкѣ помогла я“,
Спячка молвила, пылая.—
Мышка до сихъ поръ цѣла.

ДѢТСКАЯ ПЬСЕНКА.

Одуванчикъ вздумалъ взять
Замужъ маргаритку.
А червякъ, чтобъ не отстать,
Замужъ взялъ улитку.

И лекують два цвѣтка,
Счастливы другъ другомъ.

И улитка червяка
Назвала супругомъ.

Но мгновенно улетѣлъ
Одуванчикъ бѣлый.
Мargaritkѣ былъ удѣлъ
Стать вдовой несмѣлой.

А съ улиткой каблукомъ
Вмигъ была расправа,
Что же стало съ червякомъ,
Я не знаю, право.

ГЛУПЕНЬКАЯ СКАЗКА.

Курочки-хохлаточки
По дворику ходили.
Улиточки-рогаточки
По травкамъ слѣдъ водили.

Черпенькая бархатка
Въ платицѣ занала.
Черпенькая бархатка
Въ складочкахъ пропала.

Дѣточка закрыла
Усталые глазки.
Дышитъ — и не слышитъ
Глупенькой сказки.

ТЯСОГУЗКА.

Тясогузка, возлѣ лужи,
Хвостъ трися изподтишка,
Говорила: „Почему же
„Всѣмъ стихи,—мнѣ нѣтъ стишка?“

„Я ли бѣгаю не прытко?
 „Я ли мошекъ не ловлю?
 „Иль стихамъ нужна улитка?
 „Вотъ ужъ гадость. Не терплю“.

Трясогузка, чудо-птица,
 Ты милѣй мнѣ яркихъ звѣздъ.
 Ты... Но скрылась баловница,
 Повернувъ свой быстрый хвостъ.

СМѢШНОЙ СТАРИКЪ.

Вотъ какой смѣшной старикъ,
 Школьный дядька нашъ.
 Далъ намъ много скучныхъ книгъ,
 Но забылъ смѣшной старикъ
 Дать цвѣточныхъ чашъ.

Вотъ мы книги въ тотъ же мигъ,—
 Разъ, и пополамъ.
 Тутъ поднялся смѣхъ и крикъ,
 Позабыть смѣшной старикъ,
 Въ садъ скорѣй, къ цвѣтамъ.

Книги пусть читаетъ онъ,
 У него очки.
 Онъ такъ старъ и такъ ученъ,
 Намъ пріятнѣй видѣть клень,
 Хмѣль и васильки.

Книги пусть читаетъ онъ,
 И сидитъ въ шкафахъ.
 Мы же любимъ небосклонъ,
 Вольныхъ смѣховъ свѣтлый звонъ,
 Садъ въ живыхъ цвѣтахъ.

ГНОМЫ.

На дугу большія кучи
 Свеже-вырытой земля.
 Лѣто. Жарко. Полдень жгучій.
 Дымъ стоять вдали.

Кто здѣсь рылся? Можетъ, гномы,
 Всей смѣшной толпой своей,
 Строять нижніе хоромы
 Для своихъ царей?

Города во тьмѣ возводятъ,
 Строять замки подъ землей,
 И, уродливые, ходять
 Подъ моею ногой?

Зажигаютъ вырѣзныя
 Лампы въ царствѣ темноты?
 Нѣтъ, ошибся. То—слѣпые
 Черные кроты.

РУСАЛОЧКА.

Русалка съ звопкимъ хохоткомъ,
 Такимъ хрустально-чистымъ,
 И въ этомъ воздухѣ ночномъ,
 Такъ лунно серебряномъ,

Меня звала, и мнѣ плела
 Такія небылицы,
 Моя разумность вдругъ прошла,
 И сталъ я легче птицы.

И въ воду, прямо въ воду къ ней,—
 Удержать ли обрывы!

Но, горе храбрости моей,
Русалочки смѣшливы.

Я вахлебнулся, чуть дышу,
Онѣ меня щекочутъ,
Какъ лягушонокъ, я пляшу,
А имъ-то что, хохочутъ.

И надавали мнѣ шлепковъ,
Такихъ, сказать обидно.
Мелькнулъ ихъ рой, и былъ таковъ.
Я—мокрый! Какъ мнѣ стыдно!

ЗА ГРИБАМИ.

Вотъ мы дружною семьей—
За грибами, въ лѣсъ.
Я да онъ, да ты со мной,
Старый лѣсъ воскресъ.

Былъ онъ тихій—темный боръ,
Пасмурно глядѣлъ.
А какъ нашъ раздался хоръ,
Весь онъ загудѣлъ.

Закрутился теноръ твой,
Загремѣлъ мой басъ,
Нашъ товарищъ фистулой
Подбодряетъ насъ.

Бѣлка слушала во снѣ,
И съ размаху—прыгъ.
Тамъ сорока въ вышинѣ
Подняла свой крикъ.

Можжевелиникъ зашуршалъ,
 Вонъ тамъ чей-то глазъ.
 Это лѣшій побѣжалъ,
 Испугавшись насъ.

Ну, товарищи, впередъ,
 Вразсыпную вдругъ.
 Тотъ, кто первый—грибъ найдетъ,
 Онъ мой лучшій другъ.

Только, братцы, примѣчай,
 Вотъ вамъ уговоръ:
 Чтобы этотъ грибъ, пускай,
 Былъ не мухоморъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Дѣтка, хочешь видѣть Рай?
 Все забудь и засыпай.
 Лишь храни мечту свою,
 Баю-баюшки-баю.

Ты устала, отдохни,
 Въ Небѣ свѣтятся огни
 И лампадка говоритъ:
 Спи, малютка, Небо спитъ.

Баю-баю-баю-бай,
 Потихоньку засыпай.
 Что увидишь ты во снѣ,
 Расскажи по-утру мнѣ.

Ты увидишь свѣтлый Рай,
 Въ немъ цвѣты себѣ собирай.
 Будемъ вмѣстѣ мы въ Раю,
 Баю-баюшки-баю.

РОДНИКЪ.

Прочь отъ елочки хмурной,
 Мимо розъ и гвоздикъ,
 До сирени лазурной
 Пробѣгаетъ родникъ.

Отдаетъ онъ прохладу
 И листьямъ и цвѣтамъ,
 Серебрится по саду,
 Потерялся вопъ тамъ.

За зеленой оградой,
 Гдѣ летаютъ стрижи,
 Онъ возникъ серенадой
 Въ честь желтѣющей ржи.

НОВЫЙ ДЕНЬ.

Небосводъ сегодня новый,
 Свѣжій, свѣтлый, бирюзовый,
 За ночь мылся онъ дождемъ,
 У зари онъ занялъ, рано,
 И бѣлила, и румяна,
 И лазурности притомъ,
 Отъ лучистой желтой пыли
 Облака его прикрыли
 Вскиномъ бѣлыхъ покрывалъ,
 И звенитъ нашъ день веселый,
 И припали къ розамъ пчелы,
 Нѣжа розовый бокаль.

РАКОВИНКИ.

Раковинки, камешки, игрушки,
Сказки-травки въ зеркалѣ рѣки.
Жилъ Старикъ и говорить Старушкѣ:—
Мы съ тобой зачехнемъ отъ тоски.

Говоритъ Старушка: Что же, Старый,
Создавай ты Море для людей.
Я создамъ ручьи, лѣсныя чары,
Жить тогда намъ будетъ веселѣй.

Люди, кораблей себѣ настроятъ,
Будутъ пѣть, браниться, и кричать.
Если жь мысли ихъ беспокоятъ,
Ключъ лѣсной имъ будетъ отвѣчать.

Дѣти прибѣгутъ играть на взморье,
Море что и броситъ для дѣтей.
Имъ забава, намъ, сѣдымъ, подспорье,
Будетъ Старымъ въ мѣрѣ веселѣй.

Зашумѣло Море кругземное,
Притаились по лѣсамъ ручьи.
Помолчать—и разольются вдвое,
Парусъ забѣлѣлъ, бѣгутъ ладьи.

И живетъ Старикъ, легко Старушкѣ,
По ручьямъ проходить огоньки.
Свѣтятъ травки, малыя подружки,
Раковинки, камешки, пески.

ЦВѢТОКЪ.

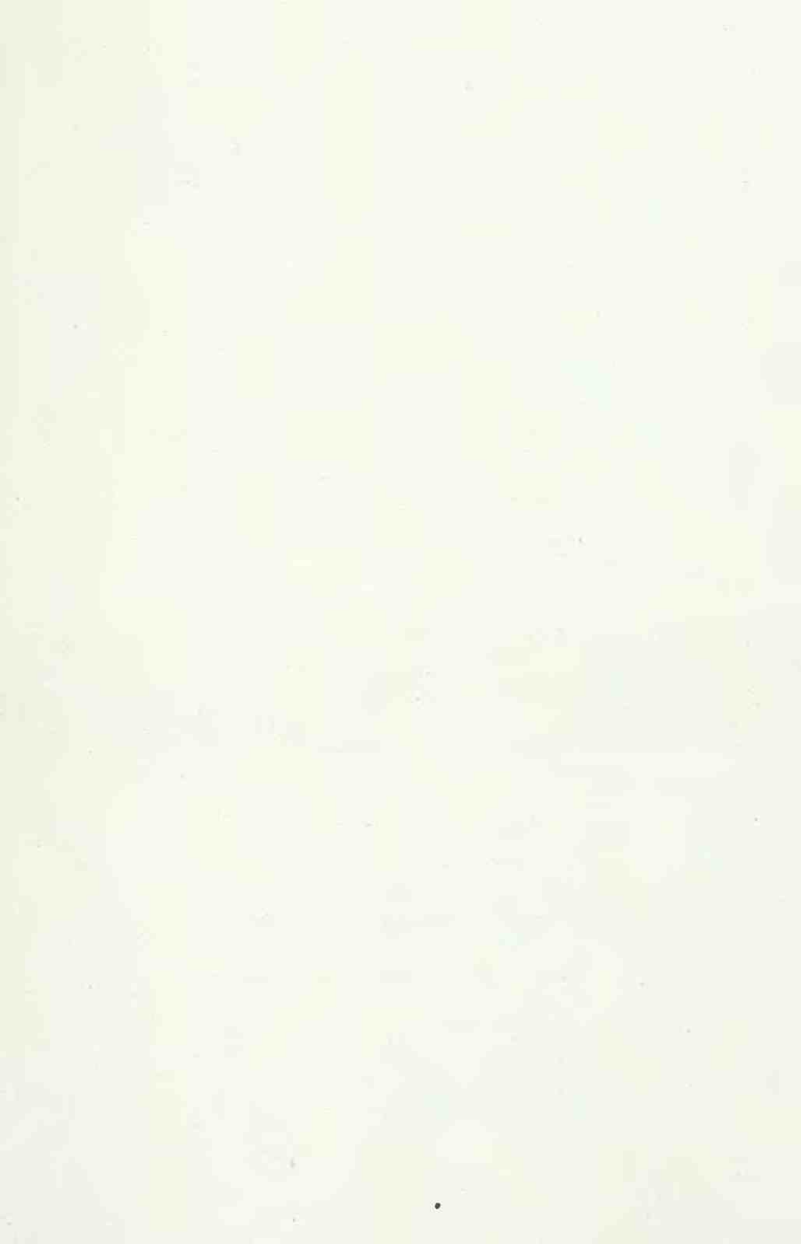
Отчего цвѣтеть цвѣтокъ,
Разгадать никто не могъ.
Но цвѣтокъ всегда цвѣтеть,
День за днемъ, за годомъ годъ.

И за годомъ годъ, всегда,
Свѣтитъ вечеромъ Звѣзда.
И для насъ, вѣка вѣковъ,
Нѣтъ разгадки лепестковъ.

Но зачѣмъ разгадка мнѣ,
Если я молюсь Вespъ,
Если я въ вечерній часъ
Гадъ, что вотъ, Звѣзда зажглась.

Но зачѣмъ загадка сновъ,
Если нѣженъ ликъ цвѣтовъ,
Если вводятъ насъ цвѣты
Въ вѣчный праздникъ Красоты.

БЫЛИНКИ

КАКЪ Я ПИШУ СТИХИ.

Рождается внезапная строка,
За ней встаетъ немедленно другая,
Мелькаетъ третья ей издалека,
Четвертая смѣется, набѣгая.

И пятая, и послѣ, и потомъ,
Откуда, сколько, я и самъ не знаю,
Но я не размышляю надъ стихомъ,
И, право, никогда—не сочиняю.

ЛУЧШЕ.

Я не хотѣлъ бы стать грозой,
Въ ней слишкомъ-слишкомъ много грома.
Я бѣ лучше сдѣлался росой,
Ей счастье тихое знакомо.

Я бѣ лучше сдѣлался цвѣткомъ,
Какъ цвѣтъ расцвѣлъ бы самый малый.
Ему не нуженъ шумъ и громъ,
Чтобъ быть счастливымъ въ грезѣ алой.

ЗЕРНО.

Трудовая мечта,
Золотое зерно.
Торжество Красоты,
Какъ мнѣ близко оно!

Какъ мнѣ радостенъ видъ
Лошаденки простой!
Въ глыбахъ пашни скользить
Солнца лучъ золотой.

Озимья поля,
Созрѣваніе нивъ.
Молодая земля,
Ликъ твой вѣчно-красивъ.

Серпъ съ косою—мечи!—
И побѣдность сохи
Мнѣ поютъ какъ лучи,
Мнѣ горятъ какъ стихи.

Сыпъ Земли я и Дня,
Неразрывно звено.
И въ душѣ у меня
Золотое зерно.

РОСИНКА.

Росинка дрожала
На тонкомъ листкѣ.
Рѣчонка дышала,
Шурша въ тростникѣ.

Въ росинку гляжу я,
И вижу, что въ ней
Играетъ, ликуя,
Такъ много огней.

Зеленый и силій,
И красный, горять,
И бѣлый, какъ вней,
И свѣтлый, какъ взглядъ.

Всѣ краски люблю я,
 Плѣнительный видъ,
 Нѣжный поцѣлуя,
 Росинка, горить.

Данъ мигъ ей лишь краткій,
 Исчезнетъ потомъ.
 Но листъ ей, украдкой,
 Здѣсь выстроилъ домъ.

Ихъ еле замѣтишь,
 Такъ малы они.
 Но гдѣ же ты встрѣтишь
 Такіе огни?

ЛѢСНЫЕ КОРАЛЛЫ.

Зеленныя мшпинки
 Росли на соснѣ.
 Изумрудныя жили пушияки
 Въ лѣсномъ зачарованномъ снѣ.
 Сосны были огромны,
 Многозвонно гудѣлъ этотъ боръ.
 Но кораллы зеленые мшпинокъ, мечтательно скромны,
 Не слыхали вершинный тотъ хоръ.
 И не видѣли мшпинки,
 Какъ лѣсные цвѣты,
 Затаивши росинки,
 Раскрывали тревожно листы.
 Ничего не хотѣли они, лишь расти и расти, умножая
 Острова изъ коралловъ зеленыхъ на сѣрой смолистой корѣ,
 Никому не мѣшая,
 И свѣтись подъ лучомъ, и трикратно свѣтись на зарѣ.

КАПЛИ СМОЛЫ.

Липкія капли смолы
 Съ этой сосны мы сберемъ.
 Богу лѣсному хвалы
 Голосомъ свѣтлымъ споемъ.

Яркій воздвигнемъ костеръ,
 Много смолистыхъ вѣтвей.
 Будетъ онъ радовать взоръ
 Пляской змѣистыхъ огней.

Капли душистой смолы
 Будутъ горѣть, какъ свѣча.
 Богу лѣсному хвалы,
 Радость огней горяча.

ГРОЗОВОЙ КОСТЕРЪ.

Въ небѣ духи жгли костеръ,
 Грозовые исполины.
 Раскаленные рубины
 Освѣтили грани горъ.

Былъ раскиднымъ закатъ,
 Захватилъ въ горахъ изломы.
 Мигъ, и вотъ хохочутъ громы,
 Набѣгающе гремятъ.

Весь надоблачный просторъ
 Былъ—надъ царствомъ горъ взметенный,
 Исполинами зажженный,
 Торжествующій костеръ.

БЕРЕЗА.

Береза родная, со стволомъ серебристымъ,
 О тебѣ я въ тропическихъ чашахъ скучалъ.
 Я скучалъ о сирени въ цвѣту, и о немъ, соловѣй голосистомъ,
 Обо всемъ, что я въ дѣтствѣ съ мечтой обвинчалъ.
 Я былъ тамъ далеко,
 Въ многокрасочной принасти пышныхъ ликующихъ странъ.
 Тамъ зловѣщая пума враждебно такъ щургла око,
 И предъ быстрой грозой оглушалъ меня ревъ обезьянъ.
 Но, тихонько качаясь,
 На тяжеломъ, чужомъ, мексиканскомъ сѣдлѣ,
 Я душою дремалъ, и, воздушно во мнѣ расцвѣчаясь,
 Возставали родимыя тѣни въ серебряной мглѣ.
 О, весеннія грозы!
 Дѣтство съ вѣткой сирени, въ вечерней тиши соловей,
 Зыбь и шопоть листвы этой милой плакучей березы,
 Зачарованность сновъ—только разъ расцвѣтающихъ дней!

СМѢХЪ РЕБЕНКА.

Смѣхъ ребенка за стѣной,
 Близко отъ меня,
 Вѣсть свѣжею весной,
 Говорить о власти дня.

Это сказка, это сонъ,
 Что изъ вѣжныхъ струй
 Легкій стебель вознесенъ,
 Воплощенный поцѣлуй.

Легкій стройный стебелекъ,
 Съ ласковымъ цвѣткомъ,
 Завязь, въ мѣрѣ, новыхъ строкъ,
 Птичка съ свѣтлымъ хохолкомъ.

Птичка съ свѣтлымъ голоскомъ,
 Пой мнѣ безъ конца,
 Будь мнѣ сказкой, будь цвѣткомъ,
 Будь улыбкою лица.

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ.

Анютины глазки,
 Жасминъ, маргаритки,
 Вы—буквы на свѣткѣ
 Поблекнувшей сказки.

Вы гдѣ-то дышали,
 Кому-то свѣтили,
 Безъ слезъ, безъ печали,
 Вы жили, вы были.

И вотъ чрезъ мечтанья,
 Воздушны и зыбки,
 Вы шлете сіянья,
 Дарите улыбки.

Вы шлете мнѣ ласки,
 Въ безсмертномъ избыткѣ,
 Жасминъ, маргаритки,
 Анютины глазки.

БАБОЧКА.

Помню я, бабочка билась въ окно.
 Крылышки тонко стучали.
 Тонко стекло, и прозрачно оно.
 Но отдѣляетъ отъ дали.

Въ Маѣ то было. Мнѣ было пять лѣтъ.
 Въ нашей усадьбѣ старинной.
 Узницѣ воздухъ вернулъ я и свѣтъ.
 Выпустилъ въ садъ нашъ пустынный.

Если умру я, и спросятъ меня:—
 Въ чемъ твое доброе дѣло?—
 Молвлю я: Мысль моя майскаго дня
 Бабочкѣ зла не хотѣла.

ЗОЛОТОЙ И СИНИЙ.

Солнечный подсолнечникъ, у тына выросъ ты.
 Солнечные издали намъ видны всѣмъ цвѣты.
 На поляхъ мы подемъ здѣсь нашъ красивый лень.
 Къ голубому льну идетъ золотистый сонъ.

Съ Неба оба намъ даны на земныхъ поляхъ.
 Ярки въ цвѣтѣ, темны вы въ сочныхъ сѣменахъ.
 Утренній подсолнечникъ, ты—солнце на землѣ.
 Синій лень, ты—лунный ликъ, ты свѣтъ луны во мглѣ.

ПАУТИНКИ.

Отъ сосны до сосны паутинки зажглись,
 Протянулись, блеснули, качаются.
 Вотъ потянутся вверхъ, вотъ ужъ зыблются внизъ,
 И осеннимъ лучомъ расцвѣчаются.

Какъ ни ибженъ, дитя, дѣтскій твой поцѣлуй,
 Онъ порвалъ бы ихъ тонкимъ касаніемъ.
 Лучъ осенній, свѣти, и блести, заколдуй
 Двѣ души паутиннымъ сіяніемъ.

ОНЪ СПРОСИЛЪ МЕНЯ.

Онъ спросилъ меня:—Ты вѣришь?—
 Нерѣшительное слово!
 Этимъ звукомъ не измѣришь
 То, въ чемъ есть моя основа.

Да не выражу я блѣдно,
 То, что ярко ощущаю.—
 О, съ бездопностью, побѣдно,
 Ослѣпительно—я знаю!

БЕЗСМЕРТНИКИ.

Безсмертники, вѣи жизни, я мальчикъ былъ совсѣмъ,
 Когда я васъ увидѣлъ, и былъ предъ вами нѣмъ.
 Но чувствовалъ я то же тогда, что и теперь:—
 Вы тонкій знакъ оттуда, куда ведетъ насъ дверь.

Тяжелая, съ замками, вся расписная дверь,
 Съ однимъ лишь словомъ въ скрипѣ, когда отворишь:—Вѣрь.—
 Безсмертники, я знаю. Чего намъ медлить тутъ?
 Мы жили здѣсь. Довольно. Насъ въ новый мѣръ зовутъ.

ВЕСЕЛАЯ ОСЕНЬ.

Щебетанье воробьевъ,
 Тонкій свистъ синицъ.
 За громадой облаковъ
 Больше нѣтъ зарницъ.

Громы умерли на днѣ
 Голубыхъ небесъ.
 Весь въ пурпуровомъ огнѣ
 Золотистый лѣсъ.

Вѣтеръ быстрый пробѣжалъ,
 Колыхнулъ парчу.
 Цвѣтъ рябины алымъ сталъ,
 Пѣснь поетъ лучу.

Въ грезѣ красочной я длю
 Звонкую струну.
 Осень, я тебя люблю,
 Такъ же, какъ Весну.

ОСЕННЯЯ РАДОСТЬ.

Радость можетъ ждать на каждомъ поворотѣ.
 Не грусти. Не падо. Посмотри въ окно.
 Осень, въ желтыхъ листьяхъ, въ пѣжной позолотѣ,
 Медленно колдуетъ. Что намъ суждено?

Развѣ мы узнаемъ? Развѣ разгадаемъ?
 Будемъ ждать, что чары улыбнутся намъ.
 Пляска мертвыхъ листьевъ завершится Маемъ.
 Лютики засвѣтятъ снова по лугамъ.

Даже и сегодня... Умъ предавъ заботѣ,
 Шелъ я, хмурый, скучный, по лѣсной глуши,
 Вдругъ, на самой тропкѣ, да, на поворотѣ,
 Красный цвѣтъ мелькнулъ мнѣ въ ласковой тиши.

Спѣлалъ рябина прямо предо мною,
 Алая калина тутъ же рядомъ съ пей.
 Мы нарвемъ вѣтвей ихъ на зиму съ тобою,
 Предъ окномъ повѣсимъ комнатки твоей.

Прилетитъ синигрь, смѣшной и неуклюжій,
 Раза два чиркнетъ, клюнетъ, да и прочь.
 И мятель завоетъ, все затянетъ стужей,
 Но зимой, предъ лампой, такъ уютна ночь.

И пока на всполѣ будуть свиты вьюги,
 Сонъ тебя овѣетъ грезой голубой.
 „Милый, что я вижу! Лютики на лугѣ!
 „Хороводы травокъ! Ахъ, и я съ тобой!“

ОСЕНЬ.

Поспѣваетъ брусника,
 Стали дни холоднѣе.
 И отъ птичьяго крика
 Въ сердцѣ только грустнѣе.

Стаи птицъ улетають,
 Прочь, за синее Море.
 Всѣ деревья блистають
 Въ разноцвѣтномъ уборѣ.

Солнце рѣже смѣется,
 Нѣтъ въ цвѣтахъ благовонья.
 Скоро Осень проснется,
 И заплачетъ спросопись.

ОСЕННИЙ ВОЗДУХЪ.

Пахнетъ грибами, листомъ перепрѣлымъ,
 Пахнетъ и чѣмъ-то другимъ,
 Точно горѣлымъ.
 Въ синей дали напозающій медленный дымъ.
 Дымъ и ползетъ, и какъ будто бы ждетъ онъ чего-то,
 Будто бы онъ говорить:
 Вотъ я, идите же.

Это горить
 Торфяное болото.

ИЗМОРОЗЬ.

Журавли потянули.
 Улетаютъ на Югъ.
 Лѣсъ—въ немолкнушемъ гулѣ.
 Вѣтры сильно дохнули.
 Затуманился лугъ.
 Утромъ изморозь млѣетъ,
 На травѣ, на окнѣ.
 Кто-то вѣетъ и рѣетъ,
 Хочетъ власти—не смѣетъ,
 Но отсрочка лишь въ дѣѣ.

БУСИНКИ.

Моросить. Какъ бы росинки
 Возникаютъ на рукахъ,—
 Эти чудо-бисеринки,
 Этотъ нѣжный, влажный прахъ.
 Эти бусинки свиданья
 Чуть блеснуть, и вотъ ихъ нѣтъ.
 Лишь на краѣ одѣянья—
 На минутку—свѣтлый слѣдъ.

КЪ ЗИМѢ.

Лѣсъ совсѣмъ ужъ сталъ сквозистый,
 Рѣдки въ немъ листы.
 Скоро будетъ снѣгъ пушистый
 Падать съ высоты.
 Опушить намъ окна наши,
 Въ дѣтской и вездѣ.
 Загорятся звѣзды краше,
 Ледъ прильнетъ къ водѣ.
 На конькахъ начнемъ кататься
 Мы на звонкомъ льду.

Будеть смѣхъ нашъ раздаваться
 Въ паркѣ на пруду.
 А въ затишья комнатъ—прятки,
 Въ четъ и печеть—счетъ.
 А потомъ настанутъ Святки,
 Снова Новый Годъ.

СЪДОЙ ОДУВАНЧИКЪ.

Одуванчикъ, цѣлый міръ,
 Круглый какъ земля,
 Ты зовешь меня на пиръ,
 Серебря поля.

Ты мнѣ ясно говоришь:
 Расцвѣтай съ Весной.
 Будеть нѣга, будетъ тишь,
 Будь въ весельи мпой.

Посѣдѣшь, отцвѣтешь,
 Разлетишься весь.
 Но тоска и страхи—ложь,
 Счастье вѣчно здѣсь.

Посѣдѣшь, но съдой
 Помни свой чередъ.
 Будешь снова золотой,
 Утромъ, черезъ годъ.

ИЗМѢНИЧЕСТВОСТЬ.

Одуванчикъ Желтымъ былъ,
 Сдѣлался сѣдымъ.
 Жаръ огня меня слѣпилъ,
 Но надъ нимъ былъ дымъ.

Листья были изумрудъ,—
 Желто-красень лѣсъ.
 Ну, такъ что жъ, зови на судъ
 Пронзволъ Небесъ.

Все непрочнo, молъ, вокругъ,
 Хрупки жемчуга.
 Мнѣ же милъ мой вешній лугъ,
 Любы и снѣга.

И прекраснѣе всего
 Въ снѣ, чье имя—дымъ,
 То, что каждый мигъ его
 Дѣлаетъ инымъ.

ЗИМА.

Поля затянута недвижной пеленой,
 Пушисто-бѣлыми снѣгами.
 Какъ будто навсегда простился мѣръ съ Весной,
 Съ ея цвѣтками и листками.

Окованъ звонкій ключъ. Онъ у Зимы въ плѣну.
 Одна мятель поетъ, рыдая.
 Но Солнце любить кругъ. Оно хранить Весну.
 Опять вернется, Молодая.

Она пока пошла бродить въ чужихъ краяхъ,
 Чтобъ мѣръ извѣдалъ сновидѣнья.
 Чтобъ видѣлъ онъ во снѣ, что онъ лежитъ въ снѣгахъ,
 И въюгу слушаетъ какъ пѣнье.

ОДУВАНЧИКЪ.

Въ безконечности стремленья безконечность достиженья,
 Тотъ, кто любить утро Мая, долженъ вѣчно ждать Весны.
 Въ каждомъ мигѣ быстролетномъ свѣтоносность есть внушенья,
 Изъ песчинокъ создаются золотые сны.

Мигъ за мигомъ въ Небѣ вьются звѣздовидныя снѣжинки,
 Съ вѣтромъ падаютъ на Землю, и лежатъ какъ бѣлый слой.
 Но снѣжинки сонъ лепѣютъ, то—цвѣточныя пушинки,
 Нѣжный свѣжій одуванчикъ съ влажною Весной.

СНѢЖИНКИ.

На дѣтскую руку упали снѣжинки,
 На маломъ мизинчикѣ восемь ихъ было число.
 Различную форму являли пушинки,
 И всё такъ мерцали воздушно-свѣтло.
 Вотъ крестики встали, вотъ звѣзды мелькнули,
 Какъ мягко съковнистый ихъ свѣтъ.
 По дѣтскю пальчики чуть шевельнули,—
 И бодяще ихъ шѣтъ.

Мнѣ дѣвочка сказала!
 Ты—мой Волшебный Фей.
 О, нужно очень мало
 Для полевыхъ стеблей!

Имъ дай лишь каплю влаги,
 Имъ дай одинъ лишь лучъ,
 И цвѣтъ расцвѣтшей саги
 Въ безгласности пѣвучь.

Свѣтлоголовкѣ малой
Я сказку разсказалъ.
Я былъ предъ тѣмъ усталый,
Предъ тѣмъ я духомъ палъ.

Изъ слезъ моихъ незримыхъ,
Изъ смѣха устъ моихъ,
Я слилъ—о серафимахъ
Прозрачно-свѣтлый стихъ.

И цвѣтъ раскрылся алый
Въ устахъ мечты моей,
И я—не мракъ усталый,
А я—Волшебный Фей.

ТОНЬШЕ.

Чѣмъ тоньше влажный прахъ, чѣмъ Влага безтѣлеснѣй,
Тѣмъ легче пѣнности слагаютъ кружева.
Чѣмъ ты въ своихъ мечтахъ свободнѣй и небеснѣй,
Тѣмъ обольстительнѣй, чудеснѣй
Твой слона.

РУСАКА

Въ лазоревой водѣ, въ жемчужинахъ берегахъ,
Плыла русалка въ блестящихъ чудномъ.
Она глядѣла вдаль, сколынула въ тростникахъ,
Была въ нарядѣ изумрудномъ.

На берегахъ рѣки, изъ цѣльныхъ жемчужинъ,
Не возникало травъ на склонахъ.
Но нѣжный изумрудъ былъ весь ея покровъ,
И нѣженъ цвѣтъ очей зеленыхъ.

Надъ нею догоралъ оранжевый закатъ,
 Уже зажглась Луна опаломъ.
 Но устремляла вдаль она лучистый взглядъ,
 Плыва въ теченіи усталомъ.

Предъ ней звѣзда была межъ дымныхъ облаковъ,
 И вотъ она туда глядѣла.
 И всѣ роскошества жемчужныхъ береговъ
 За ту звѣзду отдать хотѣла.

СВѢТЛЫЙ МІРЪ.

Тонкій, узкій, длинный ходъ
 Въ глубь земли мечту ведетъ.
 Только спустишься туда,
 Встрѣтишь замки изъ льда.

Чуть сойдешь отсюда внизъ,
 Разноцвѣтности зажглись,
 Смотрить чей-то свѣтлый глазъ,
 Лунный камень и алмазъ.

Тамъ опалъ снѣжитъ, а тутъ
 Расцвѣтаетъ изумрудъ.
 И услышишь въ замкахъ тѣхъ
 Флейты, лютни, нѣжный смѣхъ.

И увидишь чьихъ-то ногъ
 Тамъ хрустальный башмачекъ.
 Льды, колонны, свѣтъ, снѣга,
 Нѣжность, снѣжность, жемчуга.

Тонкій, узкій, длинный ходъ
 Въ этотъ свѣтлый міръ ведетъ.
 Но, чтобъ знать туда пути,
 Нужно бережно идти.